

генеральное сраженіе. Половина всей статьи посвящена исключительно вопросу о Нибульф, и въ результатѣ мы имѣемъ прекрасную характеристику заслугъ и значенія этого ученаго. Прежде всего Кудрявцевъ постарался выяснитъ, что не даромъ прошло для науки отрицаніе Нибура, что самые противники его вынуждены признать силу его возраженій и что даже тѣ изъ нихъ, которые не раздѣляютъ его сомнѣній относительно начала римской исторіи, какъ скоро предпринимаютъ утверждать что-либо, всегда возвращаются къ Нибуру и опроверженіе его считаютъ первымъ условіемъ прочности своихъ собственныхъ мыслей. „Но мы были бы до крайности несправедливы къ Нибуру, — замѣчаетъ далѣе Кудрявцевъ, — еслибы въ цѣломъ его твореніи, вмѣстѣ съ авторомъ мемуара, не хотѣли видѣть ничего болѣе, кромѣ сомнѣній и вопросовъ, и во всей его дѣятельности только одно отрицаніе. Положительное знаніе, утверждающеея на истинной исторической почвѣ, напередъ очищенной строгимъ анализомъ и основанное на самомъ пониманіи предмета — вотъ тотъ идеалъ знанія, къ которому постоянно стремился Нибуръ“. „Отрицая призрачное, онъ въ то же самое время закладывалъ прочныя основанія для прочнаго историческаго зданія и работалъ надъ нимъ еще съ большимъ напряженіемъ. А что же изъ того, что не всѣ мнѣнія Нибура приняты послѣдовавшими за ними учеными? „Римская исторія“ этого ученаго вѣдь не могла же быть послѣднимъ заключительнымъ словомъ науки; было бы гораздо страннѣе, еслибы Нибуръ не только началъ, но и завершилъ собою все начатое имъ движеніе. Наука не стоитъ: она постоянно идетъ впередъ, переходя отъ одного вопроса къ другому, иногда даже нѣсколько разъ возвращаясь къ старымъ своимъ задачамъ и отыскивая имъ новое, болѣе удовлетворительное, разрѣшеніе, и самое первое мѣсто въ ней принадлежитъ тѣмъ гениальнымъ ученымъ, которые ведутъ за собою цѣлый рядъ послѣдователей, дѣйствующихъ врознь, но незамѣтно для нихъ самихъ идущихъ къ одной великой цѣли, — къ возможному осуществленію высокаго идеала знанія“.

Другого рода нападеніе и совершенно инымъ оружіемъ было поведено на новую исторію. Если изученіе древней исторіи признавалось бесплоднымъ, вслѣдствіе *недостатка* средствъ къ познанію, то новая исторія отвергалась вслѣдствіе *излишества* этихъ средствъ, многочисленности подробностей, безконечнаго разнообразія источниковъ. Эта общая мысль опиралась на указаніе, что нѣтъ ни одного сочиненія, которое представляло бы полное, т.-е. всестороннее безпристрастное изображеніе извѣстной